

Ежемесячный журнал
Государственных комитетов
Совета Министров СССР
и Совета Министров РСФСР
по делам издательств,
полиграфии
и книжной торговли

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ 11

Издается с 1936 года

Ноябрь 1976

«Хождение» в тысячу лет

В ноябре этого года выдающемуся советскому ученому-литературоведу академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполняется 70 лет.

Вступив на дорогу науки еще на студенческой скамье (тогда Д. С. Лихачев разыскал и подготовил к изданию около тридцати неизвестных ранее фельетонов, рецензий и статей Н. А. Некрасова), свое 70-летие академик встречает автором двух десятков капитальных книг и сотен научно-исследовательских статей.

Исследование литературы, искусства и культуры Древней Руси остается в центре внимания Д. С. Лихачева.

Его талантливые работы, посвященные всем сторонам древнерусской письменности, могут рассматриваться ныне как закономерный итог изучения в свете марксистско-ленинской методологии проблем, выдвинутых еще в XIX веке виднейшими русскими филологами — Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, А. Н. Веселовским, А. А. Шахматовым.

Книги и труды Дмитрия Сергеевича отличает высокая культура научного исследования, обширные познания в области русской и мировой литературы; необыкновенная тщательность и глубина в обосновании выдвигаемых им концепций.

Характерная особенность его трудов — высокое мастерство изложения. Тонкий художественный вкус, образность и изящество речи — отличительные черты авторского стиля Д. С. Лихачева, что и создало ему репутацию не только первоклассного ученого, но и блестящего стилиста.

Читатель находит в книгах и работах академика Лихачева глубокую по своим научным характеристикам модель состояния и развития культуры Древней Руси во взаимосвязи ее различных типов и сфер.

Главы о литературе в книге «История культуры Древней Руси» (1951), которая была отмечена Государственной премией СССР II степени, труды «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), «Возникновение русской литературы» (1952), «Человек в литературе Древней Руси» (1958 и 1970), «Текстология» (1962), «Поэтика древнерусской литературы» (1967 и 1973), удостоенная Государственной премии СССР в 1969 году, «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили» (1973)...

Само определение проблем в названии книг показывает фундаментальный характер исследований

Д. С. Лихачева. Но вся его работа базируется на свойственной подлинным ученым конкретности в анализе текстологических, содержательных и формообразующих черт и особенностей древнерусских памятников. Это прекрасно отражено и в книге «Великое наследие» (1975).

Широко известна и пропагандистская деятельность Дмитрия Сергеевича, постоянно заботящегося о просвещении читателей, его настойчивая борьба за бережное отношение к художественному наследию русского народа.

Академик Лихачев — почетный доктор Торунского (Польша), Оксфордского и Эдинбургского университетов, член Австрийской, Болгарской, Венгерской, Сербской Академий наук.

В канун юбилея специальный корреспондент нашего журнала В. Зайцев встретился с академиком Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ.

На рабочем столе Дмитрия Сергеевича экземпляр его новой, только что вышедшей в издательстве «Просвещение» книги о «Слове о полку Игореве». Естественно, беседа начинается с проблемы современной трактовки идейно-эстетического пафоса великого памятника древности.

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ
Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как в прошлом, обойдя всю русскую землю и отразившись во многих повестях, так и в наше время, вливаясь немеркнущими красками в советскую многонациональную литературу, «Слово о полку Игореве» живет вдохновляющим образцом поэзии.

Еще и ныне в волнующемся море народной речи можно подслушать слова, когда-то касавшиеся слуха поэта древней Руси. «Уж и несешь ты, девка, и с Дона, и с моря! — негромко сказала она» (Это у Бунина, из «Митиной любви»). «Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь и с Дона, и с моря?» (Это из Шолохова). А в «Слове» — «половци идут от Дона, и от моря, и от всех стран...» Поразительное совпадение, но вряд ли это переносы из «Слова». Это сама стихия вольной устной речи...

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Необходимо все же в первую очередь смотреть на «Слово о полку Игореве» как на явление культуры домонгольской, древней Руси.

Как это ни странно, «Слово о полку Игореве» меньше всего изучалось в связи с представлениями о мире и обществе, с этическими и эстетическими понятиями своего времени. «Слово» обычно рассматривалось обособленно, — так, будто бы наши представления о красоте, добре и зле, о пространстве и времени, об истории совершенно не меняются и никогда не менялись.

XI—XIII века в истории культуры древней Руси принадлежат так называемому стилю монументального историзма. Он характеризуется прежде всего стрем-

лением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Маркс считал основным смыслом «Слова» — «призыв к единению». Как этот призыв осуществлялся в «Слове» в рамках стиля монументального историзма?

Д. С. ЛИХАЧЕВ. «Слово о полку Игореве» создано в тот период истории Руси, когда еще не было разделения на три восточно-славянских народа — великорусский, украинский и белорусский. Следовательно, оно в равной мере принадлежит этим трем братским народам. Однако — оно больше, чем просто принадлежит им: в известной мере оно является символом их единства и братства.

«Слово» призывает к единению перед лицом внешней опасности, и этот призыв в новом его осмыслении сохраняет свою силу до сих пор. В какой-то мере это завещание нам, не только далеким потомкам, но и наследникам всей культуры периода древней Руси.

Монументально-исторический стиль, которому принадлежит «Слово о полку Игореве», как нельзя лучше служил идеям единения. Он позволял охватывать всю Русскую землю, обозревать ее как бы с огромной высоты, как единое большое целое. Он позволял видеть ее цельность не только в географическом аспекте, но и в историческом, ощущать единство ее происхождения. Разве не мыслью о единении пронизаны и такие произведения, как «Слово о князьях», «Слово о гибели Русской земли» — этот гимн Русской земле, ее могуществу и красоте перед лицом надвинувшейся опасности полного уничтожения ордами Батыя и немецким рыцарством? Та же тема и в русских летописях, прежде всего в «Повести временных лет», где с необыкновенным художественным и «источниковедческим» тактом трактуется вопрос, «откуда есть пошла Русская земля».

КОРРЕСПОНДЕНТ. В чем вы, Дмитрий Сергеевич, видите причины усиленного внимания к «Слову» многих выдающихся писателей и поэтов XIX—XX веков? «Слово» продолжает сохранять значение, говоря словами Маркса, «нормы и недостижимого образца», продолжает жить в современной культуре. Как вы расцениваете влияние «Слова о полку Игореве» на советскую литературу?

Д. С. ЛИХАЧЕВ. «Слово» — литературный памятник, в котором с необычайной силой отразилось чувство Родины, ощущение «связи времен». Действие «Слова» охватывает историю Руси по крайней мере за два столетия. В нем вспоминаются герои русской истории XI века — Мстислав Тмутараканский, Вла-

димир «Старый», Всеслав Полоцкий, Олег «Гориславич» и другие. «Слово» одновременно охватывает пространства Руси от Новгорода на севере до Тмутаракани на берегах Черного моря, от Волги до «Угорских» гор (Карпат). Это произведение необычайной емкости и исключительного «монументального динамизма».

Поэтому, когда поэту-современнику необходимо внести в свое произведение ощущение исторической огромности русской истории или ощущение бескрайних ее просторов, достаточно привести несколько образов из «Слова», несколько его емких выражений и этот воздух истории, воздух родных просторов, вступает в произведение автора. Напомню стихи о России А. Блока из цикла «На поле Куликовом», и «Думу про Опанаса» Э. Багрицкого, многие стихи М. Волошина, М. Цветаевой, П. Тычины, М. Рыльского и многих, многих других. Огромный размах событий нашего времени требует соотносимой оценки в свете всей истории нашей страны, требует монументальных форм выражения, которыми так богато «Слово». Отсюда близость «Слова» современным поэтам и писателям.

КОРРЕСПОНДЕНТ. За последние годы оживились споры о подлинности «Слова о полку Игореве»...

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Я бы не сказал, что спор о подлинности «Слова» оживился. Я бы сказал, что он искусственно затягивается, так как ведется дискутирующими сторонами на разных научных уровнях. Так называемые «скептики» не утруждают себя глубокими научными исследованиями самого «Слова», какой-либо новой аргументацией. Они исходят из предпосылки, что древнерусская культура в домонгольский период находилась на низком уровне и была не в состоянии создать такой памятник, как «Слово». Этот аргумент имеет значение только для тех, кто плохо знает искусство и литературу древней Руси до ее завоевания монголо-татарами и кто предвзятно стремится умалить культурный вклад, внесенный древней Русью в историю мировой культуры.

Второй аргумент «скептиков» состоит в том, что не «Задонщина» явилась в XV веке подражанием «Слову», а напротив «Слово» создано неизвестным фальсификатором в подражание «Задонщине». Однако исследование всех списков «Задонщины» и их отношения к «Слову» говорит об обратном. «Скептики» же не подвергают обстоятельному анализу текстологические аргументы своих противников. Текстологическая аргументация не совсем легка для восприятия читателя и общая аргументация «скептиков» может показаться соблазнительной для части широкой

публики, особенно если, повторяю, предвзято относиться к культуре древней Руси, не зная других литературных произведений, не зная ее великолепия зодчества и живописи.

Я бы хотел только предостеречь от ошибки, которая часто делается: нельзя видеть в любом ученом, сомневающимся в подлинности «Слова», злоумышленника. Некоторым ученым вообще импонирует скептическая точка зрения. Это, так сказать, скептики по характеру, и они готовы критически относиться не только к подлинности древнерусского памятника, но и к любому произведению, если для этого имеется какая-либо возможность. К тому же любой знаменитый литературный памятник привлекает к себе внимание не только ученых, но очень часто и дилетантов, стремящихся высказать какую-либо оригинальную точку зрения. Вспомним, сколько эксцентричных точек зрения высказывалось по поводу Шекспира и его произведений, по поводу Гомера и т. д.

В науке скептик не тот, кто высказывает необычную точку зрения, идя против принятых воззрений, а тот, кто тщательнейшим образом проверяет систему аргументации, методику исследования своих предшественников. С этой точки зрения так называемые «скептики» в отношении «Слова», часто не считающиеся с контраргументацией защитников подлинности «Слова» и оперирующие аргументами «ad hominem»¹, вовсе не скептики, а иногда весьма легковверные люди, слепо доверяющие своим чувствам, не желающие внимательно отнестись к доводам своих оппонентов.

То же, конечно, случается и с некоторыми защитниками подлинности «Слова». Чтобы спор о подлинности «Слова» не был спором между глухими к аргументациям противной стороны, необходимо, чтобы он с обеих сторон велся на очень высоком и чисто научном уровне с учетом всех доказательств каждой из сторон. Иначе спор о «Слове» примет «позиционный характер» и будет научно бесплоден.

Иногда приходится слышать: но ведь скептики не имеют возможности довести до сведения читателей свою аргументацию! Это не совсем верно. Труд нашего уважаемого ученого А. А. Зимины, стоящего на скептической точке зрения, был первоначально опубликован весьма ограниченным тиражом (на правах рукописи), но частями он весь издан в различных изданиях Академии наук СССР, в Трудах Московского историко-архивного института, в «Историческом сборни-

¹ Применительно к человеку (лат.) — доказательство, основанное не на объективных данных, а рассчитанное на чувства убеждаемого.

ке «Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР» и других изданиях. Для специалистов труд А. А. Зимина вполне доступен.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Одним из самых ярких впечатлений, сложившихся в период проведения юбилейных торжеств по поводу 175-летия первого печатного издания «Слова», было ощущение, что все это отнюдь не келейное дело ученых-древников, а большое всенародное торжество. Было ли у вас, Дмитрий Сергеевич, подобное чувство? Как, в связи с этим, вы относитесь к работам о «Слове» людей, специально не занимающихся древнерусской литературой?

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Отвечу прежде на последний вопрос. Я очень высоко ставлю работы о «Слове о полку Игореве» артиста МХАТа Ив. М. Кудрявцева, киевского природоведа профессора Н. В. Шарлеманя, генерал-лейтенанта В. Г. Федорова («Военные вопросы «Слова о полку Игореве», М., 1951) и многих других так называемых «дилетантов». Однако правильно ли называть их дилетантами? Я убежден, — если человек обладает научным методом в своей области, ему нет труда применить этот научный подход к любому вопросу, даже не в своей специальности.

Но нередко бывает и так, что к «Слову» обращаются в поисках открытий ради открытий, из желания прославить себя или по крайней мере «войти в литературу вопроса». В этих случаях по большей части результат бывает плачевный, и различные беспочвенные предположения только затрудняют исследователей, увеличивая уже и без того очень обильную литературу по «Слову».

Такова книга казахского писателя О. Сулейменова «Аз и я», которая в научном плане мне кажется бесплодной, а в некотором смысле и вредной.

Кроме всего, в науке есть своя эстетика: красота безупречной аргументации, обоснованности выводов и простоты решения сложных вопросов... Подходя с этой точки зрения к книге О. Сулейменова, я не нашел в ней интересных, убедительных и «красивых» построений.

Юбилейная Всесоюзная научная конференция в Чернигове, конференции в Москве, Новгороде, Пскове, Новосибирске — это несомненный этап в изучении «Слова о полку Игореве».

Всесоюзная конференция была не только событием в научной жизни нашей страны, но и очень большим событием в культурной жизни Чернигова, что немаловажно. Не случайно она собрала такое большое количество слушателей. Залы, в которых проходила конференция, не вмещали всех желающих послушать не только известных ученых нашей страны, но и

молодых, впервые выступавших на таком представительном форуме.

Совершенно исключительное значение Всесоюзная конференция имела для Новгород-Северского, где была произведена закладка памятника «Игоревой рати», и все это выглядело действительно народным праздником, проходившем в сказочно красивом месте на холме, над Десной, у древней крепости.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы почти пятьдесят лет занимаетесь изучением русской литературы. Но читатели знают и ваши работы, посвященные проблемам мировой литературы. Вам, как говорится, виднее, в чем же отличительные черты русской литературы в первый период ее существования — в X—XVII веках, каково ее место в мировой литературе.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Стоит остановиться на одной замечательной особенности древней русской литературы, на той громадной исторической роли, которую играла она в течение этих веков.

Экономические и политические связи русских княжеств долгое время были очень слабы. Объединяли Русскую землю главным образом чисто «духовные» связи: общий язык, общий фольклор, общие исторические предания и общая для всей громадной территории Руси литература. Многие произведения писались несколькими авторами в разных концах Русской земли. Летописи все время перевозились с места на место, дополнялись местными записями. Происходил обмен историческими сведениями между Новгородом и Киевом, Киевом и Черниговом, Переяславлем Южным и Переяславлем Залесским, Ростовом и Галичем. Летописцы как бы искали друг друга. Именно благодаря этому обмену почти вся Русь имела общие летописи, ощущала свое историческое единство.

Из переписки, ведшейся двумя авторами, один из которых жил в Киеве, а другой во Владимире Залесском, возник великолепный памятник древнерусской литературы — Киево-печерский патерик. Бывало и так, что сама книга писалась в Новгороде, а переплеталась в Киеве. Книжное общение крепло единство Руси в пору, когда другие связи были еще очень слабы.

Люди опасались одиночества, стремились к общению. Гостеприимство было одной из самых ярких добродетелей человека. И не случайно Владимир Мономах в своем «Поучении» призывал «привечать» гостя. Литературные произведения постоянно напоминали человеку о том, что он не одинок, что он принадлежит к огромному народу, живущему на обширнейшем пространстве. Проблема пространства — это одна из самых актуальных проблем древнерусской культуры.

Вспомните даже русские народные танцы, когда танцующий стремится занять своим телом как можно больше места, раскидывая в стороны руки и ноги. Вспомним русские протяжные песни, о которых так хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «Девушки поют на Дунае, — вьются голоса чрез море до Киева». Вспомните русское понятие удали. Его можно истолковать так: храбрость в быстром передвижении по каком-то открытому пространству. Подобного понятия, кажется, нет ни в одном другом языке мира. Но как оно типично для русских!

В этих условиях нам понятно, почему одним из любимейших чтений на Руси — был жанр «хождений». И одно из самых удивительных произведений этого рода — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Сколько в древней нашей литературе других «хождений», менее дальних, но не менее удивительных.

Вся древняя русская литература за все семь веков ее существования есть в какой-то мере одно большое «хождение». У русской литературы этого времени нет постоянных закрытых границ, как нет ее и у того могучего покрытого необозримыми лесами и плодородными полями пространства, которое эту литературу создало. На Русь приходили с Балканского полуострова не только произведения, но и рукописные книги: из Болгарии, из Сербии, из Молдавии и Валахии, где литературным языком был также понятный на Руси «церковно-славянский». Проходили рукописи и произведения из Чехии и Моравии. В XIV и XV веках огромный пласт литературы был у нас общий с южными славянами. Русские произведения переписывались и распространялись на Балканах не менее интенсивно, чем балканские у нас. Русская литература крепла и развивалась в этом интенсивнейшем обмене памятниками, в этом единстве восточно-европейского литературного подъема, на нем, на этом общении, рос ее своеобразный интернационализм.

В более позднее время, в XVI и XVII веках к литературным влияниям на Руси прибавляется влияние польской, затем немецкой литературы. Переводы с греческого и с латыни делаются постоянно. И чем интенсивнее был прилив на Русь памятников литератур юго-востока и северо-востока Европы, тем самобытнее и величественнее было здание русской литературы.

Это удивительно! — сколько писателей, сколько переписчиков трудилось над произведениями, посвященными актуальнейшим проблемам русской жизни, сколько возникало споров о том, как устроить общество и государство, чтобы они были справедливы и

достойны своего народа. Публицистический пафос, высокий патриотизм, нежная любовь к родной земле воодушевляли сотни и сотни древнерусских авторов.

Есть произведения, которые как бы превосходят за двести лет глубокий гуманизм русской литературы XIX и XX веков. К ним, например, может быть отнесена «Повесть о Горе-Злочастии». Она вся светится проникновенной заботой о маленьком неизвестном человеке. Ее герой — безымянный молодец, дошедший до крайних пределов падения, пропивший и проигравший с себя все, одетый в рогожную «гуньку кабацкую», скитающийся «междвор» по Руси. Друзья его предали, невеста оставила, от родителей он ушел сам. Но автор повести с сочувствием и бесконечной печалью повествует о его судьбе. Ценность человеческой личности выступает в этом произведении с особой отчетливостью, с такой лирической силой и с таким запасом веры в человека, точно судьба этого молодца — личная судьба самого писателя.

Стоит ли рассказывать о более известных произведениях — как, например, Житие протопопа Аввакума или сочинения Ивана Грозного?

В древней нашей литературе есть чему поучиться и есть что почитать с глубочайшим интересом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Если, конечно, в руки читателя попадут эти книги в современных изданиях...

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Да, как жаль, что ее пока еще мало печатают. А ведь есть и произведения, о которых пишут в учебниках истории литературы, но которые вообще не изданы. Одним из любимых чтений в древней Руси были обширные сочинения по всемирной истории: Еллинский и Римский летописец, Русский Хронограф и разного типа «Палеи» — Историческая, Толковая, Хронографическая и прочие.

Русские читатели интересовались всемирной историей, так как чувствовали свою связь, духовную связь, со всем миром — европейским в первую очередь. Многие ли из этих сочинений изданы полностью и научно? Опубликован один только Русский Хронограф, а породивший этот Хронограф Еллинский и Римский летописец остается неизданным. Не будет преувеличением сказать, что по древней русской литературе изданы только «малообъемные» произведения и летописи, да и последние далеко не все.

Нам, специалистам по древней русской литературе, есть над чем потрудиться, есть что готовить к изданию, к чему приобщать советских читателей, и есть для чего это делать, — ибо древняя литература наша может многому

научить и наших современников — любви к своей Родине, заботе о лучшем будущем своего народа.

В этом году мы, сотрудники сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, совместно с издательством «Художественная литература» задумали издание памятников древнерусской литературы в нескольких томах. Мы с воодушевлением занимаемся подготовкой отдельных выпусков. Убеждены, что эти тома будут не только интересны читателям, но и послужат добрым пособием в патриотическом воспитании нашей молодежи. Есть несколько оснований надеяться на это. Во-первых, древнерусские литературные произведения глубоко патриотичны по содержанию. Во-вторых, они наглядно покажут высоту русской культуры XI—XVII веков, эстетические и этические ценности наших предков.

Русская литература началась не в Петровскую эпоху и не в Петербурге. Напротив, ее начало — на всей обширной территории Руси от Новгорода на севере и до берегов Черного моря на юге, от Ростова и Владимира на востоке и до Галича и Владимира Волынского на западе. Она родилась одновременно и повсюду. Ей не двести — двести пятьдесят лет, а целое тысячелетие. Она сразу стала играть огромную объединяющую и воспитывающую роль в русской истории и на всем своем протяжении была совестью народа, стремилась к большому нравственным и общественным целям.

Своим высоким подъемом в XIX и XX веках русская литература обязана в значительной мере этим своим древнерусским корням. Дело при этом не в том, что в творчестве многих русских классиков отразились отдельные древнерусские темы, сюжеты, мотивы, — значение древнерусской литературы для литературы нового времени в сферах гораздо более серьезных. От своих древних корней новая русская литература восприняла идейную бескомпромиссность, почти что «жертвенную» заботу о благе народа, высокую гражданственность, патриотизм, особую «серьезность» — сознание писателями своего громадного общественного долга и общественной ответственности.

Если в намеченном издании памятников древнерусской литературы нам удастся все это показать читателям, — мы все — «древники» (как нас называют) Пушкинского Дома будем не только считать нашу цель достигнутой, мы просто будем счастливы. Я не боюсь такого высокопарного заявления. Ведь в самом деле — разве не счастье ощущать свою работу необходимой и важной для многих наших современников, а особенно для молодежи?

Ленинград